

НА «ЛЕНФИЛЬМЕ» сказали, что Сададьский, приехавший на съемки, поселился в «Октябрьской». Кручу диск: «Будьте любезны, в каком номере...» — «Не поселялся». Через два часа, через три — тот же ответ. И поделом! Надо представляться, когда просишь телефон артиста...

Но все же мы встретились — на садовой скамейке во дворе студии.

— Стас, — говорю ему (все, кто с ним работает, говорят ему — Стас). — Неужели вы такой популярный?

В ответ вздыхает: «Еще какой...»

— Потому и в темных очках?

— Ну конечно. Еще и специальную фуражку купил, да она куда-то потерялась...

— А когда вы впервые прощались знаменитым?

— А я каждый раз после очередного фильма, который накануне был по телевизору, просыпаюсь знаменитым. Вот недавно шел детектив «Петля», где я играл некоего Зинченко, подрывавшегося разгрузить продуктовую машину. Утром пошел в магазин что-то купить, так встретили — не поверите! — аплодисментами. Правда, популярность моя длится всего до вечера — до следующего фильма, который все смотрят.

— Значит, известность вам не очень нравится?

— Что вы! Очень нравится. Особенно, когда читаю письма от детей, присланные на ЦТ после того, как я участвовал в передаче «Будильник»: «Хотим, чтобы все «Будильники» вел Кирпич!»

Да, если дети полюбили вора Кирпича из взрослой картины «Место встречи изменить нельзя», если они с готовностью поверили, что Кирпич «перевоспитался» в доброго и веселого Хозяина — ведущего «Будильника», — значит, Сададьский и в самом деле популярный актер.

— А вы сами ощущаете себя актером? Верите, что это дело, призвание, предназначение — ваше?

— Я-то поверил раз и навсегда нашему званию в воронежском интернате, где учился, она первая сказала, что я буду актером...

Что-то грустное промелькнуло в интонации.

— Поверили, и...

— Поехал поступать в театральный институт в Москву. В какой? — Да во все сразу. И что? Во всех сказали, что таких артистов не бывает.

— Каких — «таких»?

В ответ очень смешно выдвигает подбородок вперед и строит неопишущую гримасу...

— А комедийных?

— И комедийные, вероятно, должны быть красавцами...

— А потом?

— Поехал в Ярославль — куда ж еще, если в Москве «не бывает», — только в город первого русского театра. Год работал токарем на Ярославском моторном заводе, потом поступал в театральное училище...

Пауза.

— Оказалось, что и там «таких артистов не бывает»...

Еще через год Ольга Николаевна Андровская и Григорий Григорьевич Конский приняли Сададьского в свой класс — они знали, что актеры могут быть разные.

— ГИТИС закончен...

— Сразу четыре театра дали на меня заявки. Но принят был в пятый, «Современник» (и — без перехода) откуда уволен через восемь лет по сокращению штатов.

???

— Ничего не делал. Так, какие-то проходные, незначительные появления на сцене. Балласт.

Так Сададьский стал актером «вне театра», как говорят на студиях. Стал актером кино.

Я не случайно призожу это выяснение начала биографии почти стенографически. Дело в том, что дальше — по логике обычных интервью с актера-

Интервью на садовой скамейке

ми — следовало бы задавать Сададьскому вопросы о творчестве, о «лаборатории», о накоплении мастерства... Двадцать пять ролей за десять лет — это и опыт, и повод порассуждать. Я и задавала. Но Сададьский рассуждать на эти темы отказывается.

— Вот если бы мы беседовали перед телекамерой... — И Стас тут же лицом и руками показывает, как бы он себя вел. Картинка получается иронической: с одной стороны, он пародирует штамп «интервью с деятелем искусства», с другой — знает, что суть актера — взгляд и жест, интонация и поза — газете, как правило, недоступны... Да, ему легче и привычнее сыграть, изобразить, чем сформулировать: он — актер. Причем с ярко выраженными (и осознаваемыми) стремлением и способностью к импровизации. Не потому ли за Сададьским так интересно

наблюдать на экране: он неожиданным, непредсказуемым в своих реакциях. И если эта черта свойственна многим, то Сададьский способен на большее: он ухитряется не повторяться в этой непредсказуемости. Вспомните и сравните Платнева в картине «О бедном гусаре замолвите слово» и эпизодического спекулянта запчастями в «Вокзале для двоих», купринского Веткина в «Шурочке» и одного из летчиков в «Торпедоносцах».

Но вернемся к интервью на садовой скамейке. Вот «концепт» дальнейшего разговора.

О профессионализме:

— Не люблю, когда актер столь мастеровит и уверен в себе, что за этим уже не видно процесса рождения мысли и чувства...

Об учителях:

— Три учителя у меня. Владимир Яковлевич Мотыль — он первый доверил мне роль в экранизации классической пьесы. Эльдар Александрович Рязанов — он научил меня быть серьезным. И Владимир Семенович Высоцкий...

О выборе роли:

— Сценариев присылают очень много. Прежде всего смотрю, кто режиссер. Если знаю, что у нас будет контакт, — практически сразу соглашаюсь: в любом случае работа получится достойной. Когда фамилия режиссера мне неизвестна, читаю сценарий и представляю, что изменится, если выкинуть мою роль. Коль скоро не изменится ничего, —

а такое бывает нередко — отказываюсь. Ошибки были. Два раза.

О больших и маленьких ролях:

— Все дело опять-таки в режиссере. У хорошего можно сняться и за кадром. Он не будет «давить», он будет отстаивать тебя — перед всеми. Он знает, что эпизод сыграть труднее, чем главную роль, для него эпизод — как цемент, скрепляющий картину, и его выбор актера не бывает случайным.

О желании работать в театре:

— Если бы меня спросили: в какой театр ты хочешь? — ответил бы, что в Театр-студию на Юго-Западе. Есть в Москве сейчас такой. Энтузиасты-непрофессионалы под руководством Валерия Беляковича играют в переоборудованном бывшем овощном магазине — Мольера, Гоголя, Достоевского, показывают «Театр Аллы Пугачевой», диско-концерты и многое другое...

О своей мечте:

— Было бы сейчас у меня недельки две свободных!.. Вставал бы поздно, гулял бы по городу, смотрел телевизор, полночи бы лежал читал... Думал...

Тут не выдерживаю и вмешиваюсь: «Да кто вам мешает?!»

Ответ серьезен:

— Понимаете, у меня уже был период невостребованности, что ли... нереализованности... Боюсь: вдруг повторится!

Сададьский не кокетничает. Он действительно меряет жизнь работой. Потому и снимается — без перерыва, без отдыха. На подходе фильмы «Без права на провал» Евгения Жигуленко («Ни разу не улыбнулся. Первая абсолютно серь-

езная роль»), «Парк» Расима Оджагова, «Осенний подарок феи» Владимира Бычкова, «Уникум» Виталия Мельникова. Сейчас приглашен Мотылем в экранизацию чеховского «Выгрышного билета», Мельниковым, который ставит Достоевского — «Чужая жена и муж под кроватью», Арановичем в картину «Противостояние» по сценарию Юлиана Семенова...

— Чем вы можете объяснить то, что многие режиссеры, поработав с вами, зовут вас снова?

— Не знаю. Может быть, тем, что я не подвожу... не знаю. Спросите у них.

(Я и спросила — у Виталия Вячеславовича Мельникова. Он, сказавший, что у Сададьского — удивительный врожденный артистизм, развитое чувство юмора, наблюдательность, прекрасная пластика, что он — отличный товарищ, трогательный и очень добрый человек, что он обладает замечательной способностью точно ощущать добро и зло в людях, отчего иногда ведет себя вразрез с общепринятыми формами общения, — сказавший все это, Мельников не забыл упомянуть и обязательность Стаса — не такую уж обычную сейчас, к сожалению, черту, не характерную для многих занятых актеров).

...Этот вопрос был, кажется, последним из тех, что я на садовой скамейке задавала Станиславу Сададьскому. Этот вопрос, как и все остальные, имел целью одно: мне хотелось, чтобы актер сам как-то определил себя, свое место в нашем кино (такой жанр — интервью!). Прямого ответа я опять не получила...

Но от нашей беседы осталось ощущение: что-то замечательно детское есть в нем — и в разговоре, и в темных его очках, и в фуражке, и в том, что он ее потерял...

О. УСТИНОВА
Фото С. Кацева